

Царькова Оксана Сергеевна

Проводница

12+

Оксана Царькова

Проводница

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Царькова О. С.

Проводница / О. С. Царькова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вот так бывает! Служебка и плацкарт наполняются запахом самовара (пardon, титана), жарко натопленного смолянистыми дровишками. И сама Таня, как купчиха за чаем на картине Кустодиева, с сушкой в одной руке и со стаканом чая в подстаканнике – в другой, важно восседает напротив электрощита. Краснощёкая и довольная жизнью проводница-студентка. Лето 1993 года. Благодать! Но только не ведает Таня, что после развала СССР, всю нашу страну так сильно потряхнуло и взбаламутило, что вся до этого тихо-мирно лежавшая на дне муть, людская и сказочная, поднялась, снялась с насиженных мест и начала колобродить...

© Царькова О. С., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

*Студенческому специализированному
отряду проводников «ЭЛЛАДА»
УРГЭУ-СИНХ в городе Екатеринбурге
посвящается.*

Девчонки, вы – лучшие.

– Вот так бывает... (поёт, старается популярный певец по нашему общепоездному радио)
... прошла, как сон... растаял он...

Вот так бывает! Таня запекает! Таня замолкает, потому что... выпивает! Чаю! Не разбавленного профессионально по-проводнически на десять раз с содой, а хорошего чаю, крепкого и душистого чёрного с сахаром.

Служебка и плацкарт наполняются запахом самовара (пардон, титана), жарко натопленного смолянистыми дровишками. И сама Таня, как купчиха за чаем на картине Кустодиева, с сушкой в одной руке и со стаканом чая в подстаканнике – в другой, важно восседает напротив электрошита. Краснощёкая и довольная жизнью проводница-студентка. Лето 1993 года. Благодать!

Глава 1

Давайте знакомиться! Татьяна Александровна Ёлкина – 1973 года рождения, студентка экономического ВУЗа, не замужем. Вот в нескольких этих словах все Танины 20 лет жизни уложились. Впрочем, мы тут не анкету заполняем. А хотим вам поведать про Танино лето в начале девяностых, сумасшедших, удивительных и, как сейчас модно говорить, бурных.

А настали бурные девяностые для Тани совсем не бурно. Это, может в столицах бурлит, а в нашем средиземье (живём мы на границе Европы и Азии), пока было более-менее спокойно.

Но, мама Танина всё ж таки устроила забастовку в отдельно взятой семье для отдельно взятой Тани.

– Татьяна, тебе уже скоро двадцать лет, а ты всё наслаждаешься нескончаемым детством. Учишься ты, конечно же, хорошо, и стипендию свою крошечную к нам в дом в бюджет общий приносишь. Но пора бы уже тебе, Таня, работать и денежки зарабатывать. Хотя бы в каникулы. У нас на железной дороге, в резерв проводников студентов временно на лето принимают, чтобы кадровых работников подменить во время их отпуска. Иди, учись, сдавай экзамены, проходи медкомиссию и... туту! – Мама иронично гудит, как паровозик, и машет Тане, неведомо откуда взявшимся в её руках, синим платочком.

– Мамочка, а можно без жестокости к своему дитятку родненькому? – Вкрадчиво начинает Таня. – Могу я на воле погулять, пока молодая и красивая? Не хочу я лето красное проводить запечатанная в душной железной коробке с колёсами! Мне всего хватает и не нужны мне боле ни наряды, ни помады! – Татьяна переходит на русский былинный и пускает по девичьему лицу слезинку.

– А лосины?! – Умело парирует мама.

Ух! Против лосин не попрёшь! Без них Таня абсолютно точно обходиться не умеет. Лосины являются главной основой Таниной жизни. Потому как – только надев первые свои лосины (чёрные длинные и невероятно блестящие) Таня для себя поняла, что она теперь личность! И, даже, очень вся такая сама из себя модная. А в институт свой она теперь тоже может ходить, как другие крутые и передовые девушки начала девяностых, высоко и горделиво задрав голову! Потому что и Танин зад теперь обтянут вожделенными лосинами.

Именно поэтому, мама так легко и безоговорочно победила в их споре. И Таня согласилась походить, поучиться на проводницу в резерв проводников нашего города. Благо, живёт она со своей семьёй совсем близко от железнодорожного вокзала на улице Стрелочников (есть такая улица – это не прикол), оттуда до резерва пятнадцать минут ходьбы так, не спеша, вразвалочку.

Судьба Тани, как бы она ей отчаянно не сопротивлялась, неразрывно связана с железной дорогой. Вся её многочисленная родня: прабабушки и прадедушки, бабушки и дедушки, дяди и тёти, мама с папой, наконец – железнодорожники. И Таня тоже теперь будет железнодорожницей ... в четвёртом поколении!

Таня, конечно повредничала и, вопреки всем титаническим усилиям её железнодорожных родичей, поступила в экономический ВУЗ. Но, судьба не успокоилась и всё-таки привела Таню на железную дорогу. Пусть на лето, но Татьяна будет железнодорожницей, все вокруг счастливы и довольны, кроме самой Тани. Но вожделенные лосины (много и разных), которые у неё в результате нежеланной и нежданной работы образуются – скрашивают образовавшуюся этим летом неприятную кармическую загогулину.

Согласившись, только под деспотичным давлением родителей, поучиться на проводника, Таня для самой себя твёрдо решила, что, хотя бы внешне, она не будет выглядеть как пожилые тёточки – проводницы, замученные жизнью и людьми, на которых досыта насмотрелась в бесчисленных поездках со своей семьёй по Советскому Союзу.

А уж за свою двадцатилетнюю жизнь Таня и её родители много поколесили по стране. У железнодорожников билеты на поезд всегда бесплатные, хочешь – в Сочи кати, а хочешь во Владивосток! Но из нашего края все в Москву хотели. Столица манила нас красотой своих... магазинов! В этих магазинах было всё! Даже туалетная бумага – предмет небывалой роскоши для простых обывателей из глубинки.

В нашем городе у большинства жителей туалетной бумагой, обычно, служила пресса. Газеты, журналы после прочтения становились, ну, вы понимаете, чем. Поэтому, из всех поездов в столицу с семьёй Татьяна возвращалась с самым прекрасным украшением на земле! Чудесным ожерельем из рулончиков туалетной бумаги, надетым на шею. Гордо шла Таня через свой двор, возвращаясь с вокзала, и все знали – Ёлкины были в Москве и купили драгоценнейший дефицит! Завистливые взгляды соседей возносили Таню до небес! И после поездки в столицу, целый квартал фотографии советских вождей и попы Ёлкинского семейства не виделись, к обоюдному, надо сказать, удовольствию.

Нарядилась Таня для первого своего дня учёбы в резерве – соответственно своему пониманию – как феи железнодорожных вагонов в новых реалиях выглядеть должны. Конечно же, Танюша на себя надела всё самое лучшее, что было в её небогатом гардеробе. Потрясающие блестящие чёрные лосины, коротюсенькую мини-юбку из обрезанных и сваренных в ведре с хлоркой старых джинсовых штанов (потому, что назвать джинсами это произведение индийских кутюрье, язык не поворачивался) и свою любимую сиреневую кофту с рисунком под леопарда. На Таниных веках красовались самые фиолетовые из фиолетовых теней, а голубые с серым глаза были обведены очень густо чёрным карандашом. Помада на пухлых Танюшиных губах, в любых жизненных обстоятельствах, была только красная. Её чёлка, как полагалось по моде того времени, была начёсана в двадцатисантиметровый кокон, и доведена до совершенства сиреневым лаком для волос. Венчал Танину голову огромный конский хвост, собранный на макушке.

Таня вышла в коридор и глянула на себя в зеркало – красotka! Из кухни выбежала горячо любимая Таней пятилетняя сестричка Иринка и тоже замерла в восторге, задрав голову и даже открыв рот! Значит, решила про себя Таня, и правда – сногшибательный наряд! Всё, крепче держись за поручни, железная дорога. Таня Ёлкина готова быть проводницей!

Заявившись в резерв проводников нашего города в таком вот боевом виде и не менее боевой раскраске, Таня была и встречена соответственно. В дверях она столкнулась с каким-то лысым высоким дядечкой. Он шёл по своим делам, никого не трогал, задумался и не замечал ничего вокруг. Сначала, видимо, его взгляд привлёк блеск Таниных лосин, а потом уж блеск всей Тани. Он остановился в дверном проёме и просто окаменел. Царственная улыбка Татьяны осветила её довольное таким ошеломляющим эффектом лицо.

– Вы кто такая? – Спросил мужчина очень густым басом, который никак не вязался с его внешностью. – Здесь резерв проводников, а вокзал, милочка, находится немного левее от вас. А вы, видимо, немного промахнулись, когда гм... на свою... охоту, что ли, вышли.

И он так многозначительно посмотрел на Таню, чтобы она поняла, что привокзальным путанам здесь не место.

Ох! Зря он это! Оскорбить Таню за её ультрамодный наряд и ослепительную красоту. Это смертельно опасно. Никому не рекомендую повторять!

– Дядечка! – Таня добавила в свой девичий звонкий голосок лошадиную дозу уничижительного сарказма. – Ваша тусклая фигура мешает мне пройти к месту учёбы! Я, между прочим, студентка, решившая, исключительно по своей доброте душевной, помочь нашей железной дороге в напряжённый летний период утолить внезапно возникший кадровый голод. Так сказать... гм..., – передразнила Таня его голос и интонацию, – разбавить ваше стоячее болото свежей водой!

Вдруг, в глазах мужчины зажглись искры озорства. Он захохотал, а Таня опешила. Она ожидала от него всего, чего угодно, но только не смеха.

– Кто ты? Такая дерзкая? Как звать-величать?

Дяденька достал из кармана синей железнодорожной формы большой, просто огромный, белый платок и вытер выступившие от смеха слёзы, а заодно, и свою взмокшую лысину, и вопросительно уставился на неё зелёными и круглыми, как у Ёлкинского кота Васьки, глазами.

– Татьяна Александровна Ёлкина. – С максимально возможным апломбом объявила она ему о себе. – А вы кто?

– Ёлкина? Дочка Саши Ёлкина?! Вот это да! – Брови мужчины от изумления поползли вверх ко лбу и, наверное, если б смогли, укатились бы и дальше по его блестящей лысине к самому затылку. – Ты ж крошка совсем была, когда мы с ним... Ах! Ну да! Он тебе про такое не мог рассказать... Танюшка-девчушка. Выросла, значит. И в проводники хочешь. Занятно!

Он всплеснул руками и завис над Таней с умильно-глупым выражением лица. Как будто встретил на своём пути очень милого, пушистого и... абсолютно безмозглого котёнка. Потом, правда, опомнился и представился ей.

– А я – начальник поезда Ахромеев Василий Васильевич! Принимаю здесь экзамены, – махнул он рукой куда-то позади себя, в недра резерва проводников, – у вот таких как ты – желающих летом подработать.

Ахромеев, наконец-то, убрал с лица мечтательно-вспоминательное выражение, и снова стал серьёзным.

– Ну что ж, пойдём, Татьяна Александровна Ёлкина, покажу тебе, где ты теперь учиться будешь.

Сказать, что Таня была сильно озадачена такой неожиданной-негаданной встречей. Нет, не была. Их, Ёлкиных, на нашей железной дороге пруд пруди, обязательно кто-нибудь какого-нибудь Ёлкина знает или помнит. Но вот то, что этот Ахромеев с её отцом что-то такое, что нельзя рассказывать родным детям, вытворял – именно это её очень сильно смущало.

Но, молодость, скажу я вам, это такая замечательная штука! Через пять минут Таня уж и не помнила, что смущалась от чего-то. Её захватил и увлёк за собой водоворот весёлой поры – поры обучения на проводника.

Несколько месяцев учёбы пролетели для Танюши как один короткий миг! Она с лёгкостью сдала все экзамены. А вот дерзости в Тане совсем не убавилось, а даже ещё и прибавилось. Родилось и укрепилось где-то глубоко внутри неё, ничем, правда, таким особенным не подкреплённое, внутренне ощущение того, что она всё про всё знает и всё в этом мире может. Берегись, железная дорога! Таня Ёлкина сейчас вам всем покажет, как надо людей по стране катать!

Ахромеев после обучения, конечно, взял Таню в свою бригаду. Так сказать, под своё крыло. Наверное, не обошлось без папиной протекции. Ну, да ладно! Так, даже ещё и лучше, решила Таня. Бригада Ахромеева работала на столичных направлениях. Москва, Питер. Вот что по-настоящему круто!

Первый рейс, в её девичьих мечтах, обещал быть Тане лёгким и безоблачным. Деловито, на копейку, двое суток с половиной туда и столько же обратно. Тьфу! В Танюшины грёзах это её долгожданное путешествие выглядело просто отлично. Она, без сомнения, покорила всех вокруг своей красотой и обаянием. Люди в её вагоне будут исключительно только души и лапочки. По мановению Таниного пальчика они будут порхать вокруг, и выполнять её любые прихоти и желания. А Тане останется лишь, с королевским спокойствием и снисходительностью, принимать драгоценные дары и благословлять их всех на оказание безвозмездной помощи в её нелёгком труде проводницы. Аминь!

Вот так – легко и непринужденно пройдёт Танино лето. Долгожданные лосины (и, конечно, не только они одни) будут прикуплены на рынке в Москве, и вот тогда, пренебреженно, ей можно будет завязать с этим неприятным делом – работать на железной дороге.

А Танины родители перед её первой поездкой решили, в свою очередь, сделать ей, по тем временам, воистину роскошный подарок.

Надо отметить, что в то время студенткам, которые выходили на лето в рейсы, не полагалась специальная форма, которая была у всех железнодорожников и, в том числе у кадровых проводниц. Поэтому, решили в резерве, девушкам её можно было заменить школьной формой, которую носили старшеклассницы в начале девяностых, потому как они были очень между собой похожи. Синий пиджак и юбка. Правда, у проводников цвет формы был немного темнее, чем у школьников. Ну, да ладно! В то чудесное время никто особо не заморачивался на такие мелочи. Есть что на себя надеть – вот и хорошо!

А мама, расщедрилась, и отдала Тане свою вторую запасную форму, в которой она на работу ходит в управление железной дороги. На тесной Ёлкинской кухне собралась вся семья. Тесным кружком родные окружили отъезжающую в дальние края новоиспечённую проводницу и наперебой напутствовали её.

– Татьяна, сейчас максимально сосредоточься, пожалуйста, и очень внимательно выслушай меня и, по возможности, конечно, запомни. – Говорила мама, срывающимся от волнения, за свою маленькую дочурку, голосом. – Я свои нашивки с костюма убрала, но ты, доченька, больше ничего в нём не переделывай. Юбку не укорачивай, бока не ушивай, а главное – не распарывай подкладку и пуще глаза береги пуговицы. Если, вдруг, какая-нибудь пуговка оторвётся, не ленись, найди её и обязательно пришей на место. Костюм этот в рейсе постарался как можно реже снимать. Вот тебе наш с папой наказ и благословение.

Мама, всё-таки, не выдержала и всплакнула.

Таня всё это время только монотонно кивала головой. Сиреневая, залакированная убойным лаком для волос до состояния монолита, чёлка тоже похрустывала в знак её согласия и примирения. Родители, вообще-то, дочку свою старшую редко поучали или о чём-то просили. Так что к их словам надо было обязательно прислушаться. И Таня прислушалась. Надела подаренный родителями костюм безропотно. Повздыхала, конечно, что длина юбки ниже колен, и никто не увидит всей красоты её лосин. А куда ж Таня без них!

И даже папина обличительная речь о том, что Танины лосины и серьёзная профессия проводника абсолютно не совместимы – была пропущена ею мимо ушей. Лосины – это Танина визитная карточка. Шутите! Без этих блестящих лосин уже никто в резерве Ёлкину и не признает.

Вот с такими напутствиями и в мамином костюме Танечка отправилась в резерв на первое своё распределение перед рейсом. Она и не сомневалась, что папа замолвил за неё словечко перед Ахромеевым и Татьяна, конечно же, поедет с комфортом в штабном вагоне вместе с начальником поезда.

Как она смогла опоздать к началу планёрки – не ясно! Никто не узнает, а привокзальный ларёк с обалденными серёжками в виде огромных блестящих металлических колец, её не сдаст.

Ну, вот негоже Татьяне появляться в столице без супер-пупер модных серёжек – поставили они с ларьком. Она припозднилась то, совсем чуть-чуть. И получила по полной программе от начальника поезда.

– Ёлкина! Тебя где носит?! – Густой бас Ахромеева сотрясал стены маленького актового зала, который использовавшая для инструктажа и распределения бригад. – Ты, что это такое о себе возомнила? На носу твой первый рейс, а у тебя ветер в голове и бардак на голове. Что это за маскарад?! Ты не на панель, а в Москву едешь. Быстро беги умываться и начёс свой дикий убери.

– И не мечтайте, не будет, по-вашему, Василий Васильевич! – Таня отвечала ему, как её казалось, максимально вежливо-официальным тоном. – Нигде в железнодорожных правилах не написано, что проводница должна быть невзрачной уродиной. Техника безопасности соблюдена. Туфли у меня закрытые, хвост не распущен, а в пучок убран, костюм синий форменный надет. Даже юбка ниже колена. Так что, придираетесь вы ко мне сейчас, почём зря!

Таня сама, в этот момент, была уверена в своей правоте и красоте на все сто тысячных тысяч процентов, и сдаваться не собиралась. Ёлкины не сдаются!

– Опять дерзишь, Ёлкина?! Ну что ж. – Ахромеев злорадно улыбнулся, а его зелёные кошачьи глаза сверкнули зловещим хищным огоньком. – Ты, вот тут, опоздать изволила и не ничегошеньки знаешь. А у нас сегодня в бригаде недобор. Несколько студенток испугались чего-то и отказались в рейс выходить. Так что, некоторые из вас, поедут в рейс на единицы. И ты в их числе. Одиннадцатый плацкартный вагон – твой. Наслаждайся! Ах да! Чуть не забыл, – голос Ахромеева достиг апогея сарказма, – ключи не успели изготовить на всех. Так что одни ключи на три вагона. И тебе они, Ёлкина, не достались. Раньше приходиться надо, Таня.

Ого! Вот это засада! Таня даже, на мгновение, захотела свалить по-тихому отсюда как те испуганные студентки.

Если кто не помнит, в начале девяностых, в районе Казани местные самостийные татары протестовали против того, что Татарстан никак не отделяют от России. Делали они это самым банальным способом – били камнями окна проезжающих поездов. Окна, конечно у нас в вагонах прочные, но иногда хулиганам удавалось их пробить. Именно поэтому, некоторые окошки в вагонах тогда были заколочены фанерой. Это и создавало, пугающую юных студенточек, неповторимую ауру бандитского беспредела на транспорте, который тогда, казалось, царил везде.

Но, опять же, в, то непростое время, по сравнению с повсеместным бардаком и разрухой, для нас всех такая досадная мелочь, как разбитые окна и опасность быть покалеченными, была так, семечки. На улицах наших городов регулярно звучали автоматные очереди. Братки и многочисленные банды рэкетиоров бесконечно делили нашу Родину на нужные им кусочки.

Нам – молодым тогда было не до страхов-ахов. В России пали все запреты и границы. Сразу стало можно всё и сразу! Молодёжь торопилась всё успеть и попробовать и попробовать всё успеть! Мы были бесстрашны и даже отчаянны. Наше легкомыслие, которое у нас было тогда, просто поражало.

Но, видимо, некоторые девочки оказались намного осторожнее, чем Таня. Она же тоже, во время совместной с ними учёбы на проводников слышала, от более опытных девиц, тех, кто ездил летом на замене кадровых проводников, не первый год, леденящие душу страшилки про бандитов, про битые окна и про вагонных вороваяек всех сортов. Но Танюша с детства в поездах и привыкла к этой кутерьме и, даже не обращала на неё внимания. А вот молоденькие студентки – трусили.

И даже ездить на единицу – для Танюши не наказание. На единицу – это когда ты весь рейс в вагоне работаешь одна, без сменщика. Спать приходится урывками, между станциями. И ещё выкраивать время на еду, разноску чая и белья, уборку вагона и туалетов и разборки с пассажирами. Короче, становишься вагонным зомби. Не понимаешь где ты, что ты, который сейчас день и сколько времени. Но и это испытание на прочность её организма Таню не колышет.

Она, если подворачивается такой случай, может скакать всю ночь в институте на дискотеке, потом пойти поучиться на пары, а вечером, даже не сомкнув глаз, наша Таня, снова готова бежать на другую дискотеку. Спать (ну, чуть-чуть на лекциях на задней парте поспит, и что?) в этой цепочке совсем не предусмотрено. А и не хочется. Ни капельки. Так можно и всю свою молодость проспавать! А здоровья в 20 лет, (вы же и сами прекрасно помните) хватает на всё. Золотое время!

А вот отсутствие ключей – потеря потерь. Это ж нечем и служебку (служебное купе) закрыть. А в ней, между прочим, постельное бельё, деньги и чай с сахаром. И туалеты на санитарную зону на швабру не запрёшь – страждущие ломают. Ну, ничего, выкручусь, думала Татьяна, и не из таких передрыг вылезать приходилось. И она бодренько пошла за Ахромеевым к своему вагону.

Вот и он! А что это ПЭМ (поездной электромеханик) возле аккумуляторных батарей, которые внизу вагона находятся, бегают, и смущённо трёт затылок своей заскорузлой рукой?

– Познакомься, – Ахромеев сделал изящный жест рукой в сторону Тани, как бы ангажируя её ПЭМа, – Трофим Михайлович Сидоров. Электромеханическое сердце нашего поезда. Золотые руки у него и душа. Прошу любить и жаловать!

Василий Васильевич, решивший, что процесс представления Трофима Михайловича окончен, отвернулся от Тани и, деланно-заботливо, задал крайне тревожащий её сейчас вопрос.

– Михалыч, ну как? Будет свет? – Ахромеев весело скалит зубы в ухмылке, и подмигивает заговорщицки правым глазом. – Сможет ли Татьяна Александровна Ёлкина сегодня без зажигания фонаря пассажиров принять?

– Ёлкина? Это Толи Ёлкина внучка? Уже выросла?! Это ж мы с твоим дедом... – и красное лицо Михалыча приобретает то же самое мечтательно-вспоминательное выражение, какое было у Ахромеева при упоминании Таниного отца. – Да уж! Поколесили мы с ним на зелёном дизеле... Эх, ма!

– Ага! А рассказать внучке нельзя! Гм... железнодорожная тайна! – Таня опять передразнила бас Ахромеева. – Чего же это такое вы все с моей родней по мужской линии вытворяли, что мне знать не положено? Старики-разбойники?!!

– Дерзит?! – Михалыч одобрительно подмигнул Ахромееву. – Настоящая Ёлкина. С характером. Ёлки-иголки!!!

И они дружно заржали как два жеребца. Видимо, эта шутка-прибаутка что-то для них обоих означала. Таня отметила про себя, что ей обязательно надо после возвращения домой попытаться додаться предков на предмет правды об этих их совместных с Михалычем и Ахромеевым шалостях в прошлом.

Но факт остаётся фактом – света в вагоне не будет. Опять судьба подкинула для Тани неразрешимую, по крайней мере, сейчас, проблему. Вагон – он же сам по себе как маленькая автономная электростанция. Пока идёт состав, заряд накапливается в аккумуляторных батареях, а когда стоит – батареи этот заряд в электрическую систему вагона отдают. И если в вагоне батареи не подзаряжаются, как надо, то света на стоянке не будет. Что ещё таит в себе этот 11 вагон?

Пока Михалыч и Ахромеев зацепились языками и злословили про Ёлкиных, Таня поднялась в свой вагон. Ого! А он, случайно, царя Гороха не помнит? Такая рухлядь! И как его на Москву пускают? Видать, совсем плохо на дороге дела идут. Ну, да ничего! Ёлкиных такой ерундой не испугать. И похуже вагоны видали. Когда в прошлом году в Геленджик с семьёй ездили, думали, что пол в вагоне провалился и придётся всем только на спальных полках обитать, как птичкам на веточках.

Оп-па! Сглазила! Пол и в этом вагоне оказался дырками. Причём, в самых интимных местах – в туалетах. Протёрли люди ногами в полах ещё по отверстию возле унитаза, видать для дополнительной вентиляции. Ну, ничего, Танина нога не проваливается, значит всё в порядке.

Ага! Вот и ещё одна проблемка обозначилась – дверца дровника возле титана болтается и никак не желает закрываться. Тааак, Таня наклонилась и прижала её коленом покрепче... Рррраз! И... в глаз! Прямо в правый Танин глаз отскочила острым углом, зараза! Ох! Фингал же будет! И как она теперь? С подбитым глазом и в столичный рейс. Стыдобища!

Добежала до зеркала, посмотрелась. Спасена Таня от неминуемого позора! Не зря она пол-утра сегодня фиолетовыми тенями на веках до самых бровей красоту неземную рисовала,

как знала! Ничегошеньки и не заметно под такой прекрасной маскировкой (надо себе это на заметку взять). Ура! Таня и дверца: один – ноль в Танину пользу.

Михалыч и Ахромеев, не престаивая по-дружески балагурить, тоже зашли в одиннадцатый вагон. И опять покатались со смеху. Ошалелый и слегка потрепанный Танин вид очень их развеселил. Боевое крещение, значит, устроить Тане решили. Но нас Ёлкиных, так просто, голыми руками не возьмёшь! У каждой ёлки есть острые иголки!

Вот когда Таню в школе в четвёртом классе, вдруг, задумали дразнить тёлкиной (кто-то увидел на обложке её дневника надпись – Т.Ёлкина... это мама написала, не подумавши), она им всем задала такого жару! Дралась с обидчиками до крови. Пикнуть после этого про тёлкину боялись. Тридцать одноклассников Танюша победила и 11 вагон с этими старыми озорниками победит!

– Пойду фонарь поищу, – деловито сказала им Таня, – чувствую, что не заработают батареи к посадке и света в вагоне на стоянках не будет. Так что ли, Михалыч?

ПЭМ забурчал что-то невнятное и покосился на Ахромеева. Но тот подмигнул ему по-заговорщицки весело, подхватил Михалыча под ручку и увлёк в свой штабной вагон.

– Разберёшься сама! По ходу поезда! – Бросил через плечо, Ахромеев Тане на прощание.

И они опять дружно захихикали в переходнике очередному, пока не понятному Танюше, поездному приколу.

Когда они удалились, Таня глубоко вдохнула и шагнула в свою служебку. Села на полку и задумалась. Срочно надо решать эту задачу с вагоном. Надо как-то договариваться по-хорошему с ним.

Это, может быть, для вас кажется дикостью, что до мозга костей городская девчонка-студентка в конце двадцатого века всерьёз решила вести переговоры с неодушевленным предметом, а именно старым разваливающимся железнодорожным вагоном. Но, Татьяна была не совсем обычная девушка. Она выросла в семье железнодорожников, и о многом слышала, знала или догадывалась. Ну, хотя бы о том, что: «Ко всему на железной дороге необходимо уважение и должное обхождение иметь» – любил вставлять в разговоре её деда Толя к месту и не к месту. И Таня решила взять себе на вооружение эту мудрость предков и претворить её в жизнь.

Какое-то давнее воспоминание неожиданно царапнуло её память. Однажды, когда ей было как сейчас Иришке, лет пять, они всей семьёй поехали в её первое путешествие в Москву, и она, случайно, подглядела за своим отцом. Танюшка кроха малая, спряталась тогда за дверцей дровника – точно такой же, которая ей сейчас синяк поставила – именно из-за токающей боли над правым глазом, Таня об этом случае и вспомнила. Папа тогда перед тем, как поезд поехал, думая, что его никто не видит, что-то положил в шкафчик в служебном купе проводника, при этом приговаривая. Вроде этого: "Вагон-дружок, дам тебе я пирожок. Не бузи, не егози, хорошо нас довези!".

Значит, и Тане тоже надо, чтобы с вагоном подружиться, пирожок в служебке на полочку в шкафчике положить. А где этот пирожок взять? Ой! Мама! Мама же дала ей в дорогу пирожки. Хотя она точно знает, что Таня свою фигуру бережёт, и пироги не ест. Значит, мама заранее позаботилась о Таниной дружбе с вагоном. Спасибо тебе за это, дорогая мамулечка!

Таня положила пирог в шкаф, сказала заветные слова и нежно погладила вагон рукой возле раковины. Но тут, её внимание отвлёк какой-то шорох в рабочем тамбуре. Таня рванула на звук, но там, увы, никого не было.

Она вернулась и открыла шкаф, в который только что угощение положила. Ну, любопытно же! На полочке было пусто. Ой! Нет, не пусто. Пирога не было, а ложки остались. Обычные чайные ложки. И, вдруг, сама собой, Танина рука потянулась к одной – совершенно одинаковой со всеми остальными, и ничем таким особенным не выделявшейся среди них, ложечке и положила её в карман своего форменного пиджака.

Тааак! А вот это уже совсем точно, неспроста. Зачем Тане ложка в кармане? Подбегать к пассажирам и предлагать им сахарок в чае размешать?

"Вагон-дружок, принял Танин пирожок, ложкой он вернул должок" – крутилось у Танюши в голове...

Что ж. Вроде бы она сделала всё правильно для того, чтобы наладить контакт с вагоном, теперь осталось только ждать результат. И лучше, чтобы он был положительный, а не отрицательный.

Нечего, попусту время терять и расслаживаться, как квашня, надо идти работать. Скомандовала себе Таня. Например, взять и поискать фонарь. Скоро посадка на рейс. Ага, вот и шкафчик с фонарём и флажками. Заперт. Надо же! Всё везде распахнуто, а он заперт! И ключи через два вагона от Тани. И тут, снова, рука самостоятельно, независимо от Таниного желания, залезла в карман и достала ложку. Таня вставила черенок ложки в скважину замка...

Вообще-то, все замочные скважины в поездах сделаны под круглый ключ с треугольным отверстием внутри, но ложечка удивительно хорошо вошла в отверстие и повернула замок как надо. Шкаф открылся! Вот это да! Обрадованная Таня побежала по коридору! Ложка в её руках, буквально, творила чудеса! С её помощью можно было открыть и закрыть абсолютно все имеющиеся в этом вагоне замки.

– Спасена! Спасибо, вагон! – Таня искренне, от всей души, с благодарностью ещё раз погладила его по ближайшей полке.

Опять раздался чуть слышный шорох, но уже возле титана. Ох! Таня вспомнила, что надо его растопить перед посадкой, чтобы пассажиры сели, а кипяточек для чая вот он! Пейте люди дорогие, на здоровье.

Блин, возле титана находится та самая вредная дерущаяся дверка, которая не закрывается. И она попробовала её чудо-ложкой запереть. Надо же! Получилось!

Тут, состав дёрнулся, его повезли из отстойника на платформу вокзала для посадки пассажиров. Таня, быстрее молнии, заметалась по вагону, как будто в неё разом веселились три такие же девушки. Силушки, как ей показалось в том момент, у неё теперь было так много, что она умудрилась одновременно два ведра с углём для растопки титана нести в левой руке, а в правой тащить два полных ведра с водой.

Да! Таня всё успела сделать вовремя. Титан пыхал жаром. Туалеты промыты и закрыты. Таня поправила начёс на чёлке. Взяла фонарь и флажки. Откинула тяжеленную железную площадку, зафиксировала её, как положено по инструкции, протёрла поручни, вышла на платформу.

Волнение, до этого заставившее Танюшино сердце скакать испуганным зайчиком, вдруг, куда-то разом улетучилось. Наверное, потому что Таня оказалась в родной, и привычной с раннего детства, стихии железнодорожной суеты. Началась посадка на рейс.

Глава 2

На платформе, расположенной перед столичным поездом было очень людно. На улице уже потихоньку смеркалось. Танин вагон, как она и ожидала, оставался тёмным изнутри. Таня включила фонарь и поставила его на верхнюю ступеньку откидной лесенки. Повернулась лицом к отъезжающим. И замерла...

Возле её вагона, громко гогоча, и бесконечно прикуривая друг у друга, толпились в ожидании посадки на поезд... дембеля. Целый вагон демобилизованных из армии солдат. Это даже для проводников с опытом – испытание на прочность.

Таню охватило отчаяние. Потому что, она очень живо помнит, как однажды, она вместе с родителями и сестричкой, сутки ехала в соседнем купе с одним единственным таким отслужившим своё на границе солдатиком, направлявшимся с места службы домой. Уж они досыта насмотрелись, как он тогда изводил безропотную проводницу своими тупыми приколами, которые, скажу я вам, не всегда были безобидными. Он курил, пил, громко матерился и бесконечно блевал и мусорил в своём купе, и, при этом, требовал к себе от неё «почёта и уважухи», и горячего чаю чуть-ли не каждые полчаса, чтоб, непременно ему с поклоном приносила... Как же! Дембель снизошёл до общения с простой проводницей!

Это безобразие никак не прекращалось, пока папа не поговорил с ним по-мужски в тамбуре, и он не уgomонился, потирая внушительных размеров синяки под обоими своими бесстыжими глазами.

А у Тани в первом рейсе таких будет... пятьдесят четыре! И каждому морду не начищать... Ох!

Увидев Таню, парни оживились! Надо же! Девчонка, совсем молоденькая, да это просто шикарный подарок судьбы. Со всех сторон на неё посыпались комплименты и сальные шуточки...

Таня оробела. Пошатнулась и автоматически схватилась за поручень своего вагона. По её руке и телу как будто пробежал электрический разряд, но только очень приятный и крайне бодрящий. Рот Тани сам собой открылся и, опять, независимо от её желания громогласно и крайне строго изрёк:

– Граждане отъезжающие! Сейчас начнётся посадка в 11 вагон. Всем построиться в колонну по одному. Пожалуйста, заранее приготовьте проездные документы и удостоверения личности в развёрнутом виде. Наш вагон будет освещаться только во время движения состава. Поэтому, во избежание неприятностей, прошу всех, кто вошёл в вагон – занять своё место, согласно купленного билета, и дожидаться отправления поезда. Предупреждаю – любое хулиганство в вагоне будет пресечено мной незамедлительно. Я вызову наряд милиции и вас высадят на ближайшей станции. Для тех, кто собирается активно мусорить на пол вагона, отдельно сообщаю – веник и совок находятся за дверью возле 33 места. А вообще-то, сейчас всех ждёт очень вкусный и горячий чай. Счастливого пути!

Таня с трудом отцепилась от поручня и изобразила на лице свою самую милую улыбку. На самом деле, она даже немного стухнула от этой своей вступительной речи. А что будет, если дембеля не послушаются её? Ежу понятно, что никакой наряд милиции не справится с толпой молодых здоровых ребят. Но, что сказано, то сказано, уже не вернётся.

К немалому удивлению Тани, к ней тут же выстроилась очередь. Парни, все, как один, держали в руках посадочные талоны и военные билеты. Никто не возмущался, не ругался и не роптал. Пассажиры заходили по одному в вагон и садились, молча на свои места.

Ой, счастье-то, какое! Не иначе, это опять её вагон ей помог. Таня решила, что надо ещё пирожок в шкафчик положить. Поблагодарить за её счастливое спасение. Так и сделала. Конечно же – угощение мгновенно исчезло с полки, как и в первый раз.

Пока состав не тронулся, Таня с фонарём в руке пробежалась по своему вагону и внимательно посчитала пассажиров. Все на месте. Ну что ж! Поехали!!!

Замелькали за окнами огоньки уличных фонарей, родной город скоро останется позади. Стучат колёса по рельсам та-дам, та-дам! В вагоне зажётся долгожданный свет, и Тане можно уже было не бегать по салону с фонарём, выхватывая лучом весёлые лица солдатиков. Она собрала билеты, раздала постельное бельё и напоила всех, как и обещала, вкусным горячим чаем.

Сейчас отовсюду она слышала мелодичный перезвон ложечек стоящих в пустых стаканах и тихое дребезжание подстаканников. Все звуки сливались для неё в симфонию прекрасного путешествия. Таня блаженствовала. Она взяла сушку и налила себе чай. По радио пел Юрий Антонов: "Вот так бывает – любовь прошла, как сон! Вот так бывает – растаял он...". Таня немножко подпела ему, взяла сушку в руку, и села трапезничать. Титан натоplen, все пассажиры довольны и счастливы. Благодать!

Глава 3

Вот такой – разомлевшей от счастья, что всё у неё в этом первом рейсе идёт, как по-маслу, и застал Таню Ахромеев. Он, конечно, прекрасно до этого видел, что в Танин вагон село больше чем полсотни демобилизованных солдат, которые блестели хромом сапог и самодельных аксельбантов. И, конечно же, пришёл проверить – как она с этим бедствием справляется. И был, надо отметить, очень обескуражен увиденной картиной всеобщего благоденствия и мирного сосуществования.

– Татьяна! Вот это номер! Как ты сумела усмирить этих молодых. Сидят тихо, не барагозят! И вместо водки чаёк попивают! Я такое первый раз в своей жизни вижу, – восторженно сказал Ахромеев, – ты, наверное, какое-нибудь заветное слово знаешь? Не поделишься?

– Ага! Знаю, конечно, даже два заветных слова, – Таня самодовольно заулыбалась, – наряд милиции. Я им на перроне в красках обрисовала ситуацию, если балаган у меня в вагоне устроят. Вот они, видимо, очень были впечатлены, перспективами, услышанными от меня. Им же всем очень хочется домой в срок попасть. Папу, маму, любимых женщин поскорей увидеть, а не привокзальный обезьянник созерцать.

Ахромеев задумчиво тёр подбородок рукой и смотрел куда-то позади Тани, как будто кто-то ещё там был за её левым плечом.

– Хозяйка! – В служебное купе попытался заискивающе заглянуть парень, высокий, косая сажень в плечах, у него на голове красовался, лихо заломленный на затылок, голубой берет десантника. – Хозяйка, мы немного тут с парнями на пол скорлупой яичной намусорили, а веника на указанной вами дислокации нет. Как быть?

У Ахромеева опять изумлённо – вопросительно изогнулась его правая бровь. Он, не отрываясь, смотрел на новоиспечённую проводницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.